

Тамара Шубина

Усадьба Горки и судьба ее коллекции

Горки – одна из старейших усадеб Подмосковья. Эта усадьба, первые сведения о которой относятся к середине XVI в., пережила за свою долгую и богатую событиями историю и периоды взлета, когда строились усадебные постройки и разбивались парки, и времена относительного благополучия, и пору запустения, когда ветшали и разрушались здания, зарастал парк, а усадебная территория продавалась под дачные застройки. Образовавшись как родовое поместье Спасителейых, Горки впоследствии неоднократно меняли владельцев, среди которых – представители таких знатных фамилий России, как Наумовы, Белосельские, Бутурлины, Бекетовы, Дурасовы, Лопухины.

В усадьбе Горки.
1910-е

On Gorki Estate.
The 1910s

*Все же мирные и свежие картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
Пред домом круглый пруд, за домом темный сад,
Там роца, там овраг с ручьем, курганов ряд...*

П.А. Вяземский

Одной из лучших иллюстраций для этих строк, написанных П.А. Вяземским в своем любимом Остафьево, может служить старинная подмосковная усадьба Горки. Долгие годы и в нашей стране, и за рубежом эта усадьба была известна более всего как место, связанное с именем В.И. Ленина, где глава советского правительства прожил последние годы жизни. Но возросший интерес к русским усадьбам привлекает в этот чудесный уголок Подмосковья все больше людей, для которых Горки – тот сохранившийся островок бывлой России, где еще можно окунуться в атмосферу старой усадебной жизни. Время пощадило эту прекрасную усадьбу, судьба ее оказалась более счастливой, чем участь большинства русских загородных поместий. Горки избежали разрушения и варварского расхищения художественных ценностей, их архитектурный облик не был искажен поздними пристройками, а старинный усадебный парк практически не пострадал от стихийных вырубок. До наших дней Горки сохранили не только архитектурно-парковый ансамбль, но и большую часть своей уникальной усадебной коллекции.

С 1824 г. Горки принадлежали А.А. Писареву. Генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., сенатор, попечитель Московского университета, литератор, Писарев был известным государственным и общественным деятелем России. Именно при нем в Горках создан сохранившийся до наших дней архитектурно-парковый ансамбль, характерный для среднепоместной усадьбы первой половины XIX в. Главный дом и два боковых флигеля, построенные в стиле классицизма, занимали необычайно выгодное место на высоком берегу лесной речки Туровки, притока Пахры, и прекрасно смотрелись со стороны проходившего в версте от усадьбы Каширского тракта. Ландшафт местности определил деление усадебного парка на нижний, пейзажный, круто спускающийся по речному обрыву, и верхний, регулярный, расположенный за главным домом. Писарев, вложивший в строительство усадьбы большие денежные средства и много душевных сил, часто и подолгу жил в Горках. Он гордился своим имением и любил приглашать в Горки, где «без красного словца... и двери настезь и сердца»¹, своих многочисленных друзей.

¹ ОР РГБ. Ф. 226. Д. 8. Л. 26.

Со второй половины XIX в. закончился дворянский этап в истории усадьбы и наступил так называемый «купеческий» период, когда Горками владели представители таких купеческих династий, как Сушкины, Прокофьевы, Шибаевы, Герасимовы.

В начале XX в. Горки приобретает братья Герасимовы. В духе зародившейся еще в конце XIX в. тенденции использовать приобретенные усадьбы в коммерческих целях Герасимовы стремились не столько к сохранению

Малый пруд и грот в нижнем парке.
Фотография В. Салева

Small lake and grotto in the lower park.
Photograph by V. Saleyev

Полуротонда Зимнего сада.
1910-е

Half-rotunda of the Winter Garden.
1910s

архитектурно-парковой среды усадьбы, сколько к извлечению прибыли за счет дробления территории парка на дачные участки. Они смогли добиться устройства на проходившей в четырех верстах от усадьбы тогдашней Рязано-Уральской железной дороге платформы «Герасимовка». Открытие железнодорожной платформы вблизи усадьбы сделало этот район Подмосковья более доступным, и Герасимовы начали продавать и сдавать в аренду земельные участки Горок под дачные застройки. Так, на большом участке, расположенном в юго-восточной части усадьбы, возник дачный поселок.

Сами Герасимовы, хотя в Горках постоянно не проживали и использовали их как место семейного, в основном летнего, отдыха, любили свою усадьбу. Однако, испытывая постоянные финансовые затруднения, они не вкладывали средства в ее развитие и в итоге были вынуждены покинуть Горки, выставив их на продажу.

Менялись хозяева в старой усадьбе, но не суждено ей было погибнуть или окончательно заглохнуть. Усадьбу у Герасимовых в 1909 г. приобретает З.Г. Морозова-Рейнбот. Новая хозяйка усадьбы, личность яркая и самобытная, которую современники называли настоящим русским самородком, родилась в 1867 г. в Орехово-Зуеве в семье купца второй гильдии Г.Е. Зиминова. Будучи женой одного из самых удачливых русских промышленников и мецената С.Т. Морозова, Зинаида Григорьевна, несмотря на ряд драматических моментов в своей судьбе, прожила в целом жизнь, полную достатка, любви, почтения и встреч с интересными людьми. Оставшись после трагической гибели Саввы Тимофеевича наследницей

огромного состояния, в 1907 г. она вышла замуж за генерал-майора свиты Его Императорского Величества, градоначальника Москвы А.А. Рейнбота. Однако спустя два месяца после бракосочетания семейная жизнь была омрачена выдвинутыми против мужа обвинениями в казнокрадстве. Едва улеглись страсти вокруг причин самоубийства С.Т. Морозова, как Москва вновь шумно обсуждала скандальную отставку А.А. Рейнбота с поста градоначальника и ход судебного процесса.

Это был сильный удар по самолюбию гордой и независимой женщины. Зинаида Григорьевна, стараясь найти выход из создавшегося положения, круто меняет прежний открытый, полный встреч, балов и приемов, образ жизни. Морозова продает роскошный особняк на Спиридоновке М.П. Рябушинскому, оставляет загородное имение Покровское-Рубцово в Звенигородском уезде Московской губернии старшему сыну Тимофею и уезжает в Горки. В этом уютном уголке Подмосковья, вдали от светской суеты и сплетен, в хлопотах по обустройству новой усадьбы она пытается обрести душевное спокойствие и начать новую жизнь. В Москву она теперь выезжает редко, в основном по делам, связанным с благотворительной деятельностью² и строительством в Горках.

Зинаида Григорьевна открыла новую и самую яркую страницу в истории старинной усадьбы. Последней хозяйке удалось создать в Горках новый и редкий для России тип буржуазного поместья, где были успешно учтены все новейшие достижения и требования времени. И это, как покажут дальнейшие события, во многом способствовало тому, что Горки, пережив все трудные времена в истории страны, не только сохранились, но и смогли стать одним из интереснейших музейных памятников русской усадебной культуры XIX – начала XX в.

Усадьба – это не только среда обитания, но и место реализации творческих возможностей личности владельца. Честолюбивая и богатая хозяйка, всегда мечтавшая жить в старой дворянской усадьбе, проявила себя в полной мере. Стремясь восстановить имение, Морозова откупила несколько дач вместе с участками, произвела реконструкцию главных усадебных построек, создала на базе старого хозяйственного двора рентабельное хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, построила новые оранжереи и теплицы, водонапорную башню и электростанцию, снабжавшие поместье водой и электричеством. На склоне речного обрыва у дороги, ведущей к северным воротам усадьбы, была возведена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, предметы убранства которой «приобретены хра-

Гостиная в Большом доме.
1910-е

Drawing room in the main house.
The 1910s

моздательницей с приличным достоинством»³.

Предположительно, для реконструкции усадьбы Зинаида Григорьевна пригласила в Горки знаменитого русского зодчего Федора Осиповича Шехтеля, давнего друга семьи Морозовых⁴. По проекту архитектора центральный ансамбль усадьбы, состоящий из главного дома и двух флигелей, с деревянными верандами и крылечками, больше походивший на дачу, перестраивается и приобретает вид дворцового строения. Известно, что в Горках работал и другой московский архитектор – Ф.Н. Кольбе, который не только руководил строительными работами, но, вероятно, принимал участие и в проектировании некоторых усадебных построек.

Строгий двухэтажный прямоугольный объем Большого дома с торцов удлиняется одноэтажными разновеликими пристройками: с северной стороны – Зимним садом со стеклянной полуротондой, а с южной – остекленной цветными витражами верандой. На полных крышах пристроек устроены открытые, огражденные

балюстрадой террасы. Парадный западный фасад дома, обращенный к пейзажному парку, украсил шестиколонный портик ионического ордера, на белокаменной лестнице которого установлены две большие мраморные вазы. Восточный фасад, выходящий в регулярный парк, оформляется колоннадой тосканского ордера. Фасадные окна второго этажа, с «зеркальным» остеклением на западе и тройные, «венецианские», на востоке, обрамляются скульптурным фризом на мифологические темы. Полуротонда и центральное окно Зимнего сада также украсили барельефы, а фигурный переплет стеклянной двери сада – лепной архивольт. Изменили свой внешний вид и усадебные флигели: к их торцам со стороны пейзажного парка пристроены полуротонды, а к парадным входам – четырехколонные портики дорического ордера с балконами.

Внесение в облик ансамбля новых деталей не нарушило его архитектурной целостности, а декор фасадов, выполненный в неоклассическом стиле, придал некоторую легкость и изящность строгим классическим формам зданий.

В результате реконструкции изменился не только внешний облик зданий, иным становится и убранство интерьеров, все элементы которого одновременно с архитектурой дома составили единый в стиливом отношении образ. Интерьеры Большого дома и флигелей восхищают гармоничным сочетанием современного комфорта с атмосферой старой дворянской усадьбы. В убранстве комнат использовались предметы мебели, художественные полотна и изделия декоративно-прикладного искусства XVII – начала XX в., частично привезенные З.Г. Морозовой-

² Зинаида Григорьевна, которая активно занималась благотворительной деятельностью, в частности по линии Московского Совета детских приютов, в 1911 г. стала представительницей нового Общества призрения сирот и брошенных детей в Москве и ее окрестностях. Внесла в качестве разового пожертвования 50 000 руб. (такая же сумма поступила и от М.Ф. Морозовой). З.Г. Рейнбот передала в дар Обществу участок земли в 40 десятин «с прекрасными постройками», расположенный в Звенигородском уезде, с целью организации там детской колонии имени С.Т. Морозова.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 759. Д. 369. Л. 5.

⁴ Ф.О. Шехтель, ставший своего рода придворным архитектором Морозовых, в последнее десятилетие XIX и первые годы XX в. много работал для этой известной купеческой династии. Только для семьи С.Т. и З.Г. Морозовых им были построены деревянная дача в Киржаче, знаменитый особняк на Спиридоновке в Москве, а также перестроена усадьба в Покровском-Рубцове. Хотя документальных подтверждений участия Шехтеля в реконструкции Горок пока не обнаружено, существует устойчивая тенденция, основанная на литературных данных, которая приписывает перестройку архитектурного ансамбля усадьбы именно Шехтелю. Авторство Шехтеля не вызывает сомнения и у специалистов. (Подробнее см.: Кириченко Е.И. Горки. Архитектура русской усадьбы 1910-х годов // Музейный сборник ГИЗ «Горки Ленинские». № 5. М., 1999; Экспертное заключение по поводу авторства Ф.О. Шехтеля относительно архитектуры зданий, их интерьеров и декоративного убранства в усадьбе Горки // Научно-проектная документация на памятник архитектуры конца XVIII – начала XX вв. в Горках. М., 1986. С. 58–62. – Фонды ГИЗ «Горки Ленинские». Папка 59.)

Tamara Shubina

The Gorki Estate and Its Collection

One of the oldest estates in the environs of Moscow, Gorki is first mentioned in a 16th-century source. The estate's history is long and varied, comprising periods of flourishing growth as well as decline and stagnation. Some years saw the erection of new and beautiful buildings and the appearance of leafy parks, whilst others witnessed the house falling into disrepair, weeds smothering the lawns and the grounds being sold off to holiday-makers. Originally the Spasitelev family estate, Gorki later boasted a whole string of wealthy owners from families such as the Naumovs, Beloselskys, Buturlins, Beketovs, Durasovs and Lopukhins.

Although penned in his beloved village of Ostafievo, these lines by the famous poet could equally have referred to the old Gorki estate near Moscow. For many years Gorki was famous both in the USSR and abroad as the house in which Vladimir Lenin spent the final years of his life. The recent revival of interest in old Russian estates, however, has allowed enthusiasts to rediscover Gorki as a reminder of bygone days – an entrancing haven steeped in the atmosphere of old Russian life. More fortunate than most Russian country estates, Gorki escaped the pillaging and destruction which ruined many similar residences after the revolution. The works of art housed here were kept intact, the architecture was not spoilt by the addition of modern annexes and the old park escaped deforestation. Today, Gorki remains a highly impressive architectural complex boasting well-preserved grounds and a unique collection of *objets d'art*.

In 1824, the estate was purchased by lieutenant-general Alexander Pisarev – a senator, trustee of Moscow University and man of letters. A well-known statesman and public figure, Pisarev had fought in the Patriotic War of 1812 against Napoleon. The buildings and park at Gorki, typical of a medium-size estate from the first half of the 19th century, were created by Pisarev and still survive today. Designed in the classical style, the house with its two outbuildings occupied a favourable position on the high bank of the forest river Turovka, a tributary of the Pakhra. The nearby Kashira road offers a splendid view of the estate. Owing to the

А.А. Писарев.
Фотография с гравюры
Г. Геллера 1827 г.

Alexander Pisarev.
Photograph of an
engraving by G. Geller
(1827)

local landscape, the park at Gorki is divided into two parts. The lower park descends the sloping river bank, steep and picturesque, whilst the upper part, situated behind the house, presents a more regular, traditional view.

Investing much of his energy and money in the development of this wonderful spot, Alexander Pisarev enjoyed visiting Gorki. He came frequently for long visits, often inviting friends, of whom he had many. He was proud of the place, where "both hearts and doors were truly open wide."¹

From the second half of the 19th century Gorki was no longer in the possession of noblemen, but of merchants. Among its owners were members of well-known merchant families such as the Sushkins, Prokofievs, Shibaevs and Gerasimovs. The brothers Gerasimov purchased the estate at the beginning of the 20th century. In keeping with the then-current trend of putting land and proper-

"The same familiar scene of peace and calm:
Tall trees with whispering boughs beside a dam,
A lake before a house, a garden in the grounds,
A stream and leafy grove with ancient burial mounds."

Pyotr Vyazemski

ty to commercial use, the owners decided to divide the park up into allotments. Thanks to their efforts, a new station was opened on the nearby railway. (The route linking Ryazan to the Urals. Situated within three miles of the estate, the station was named Gerasimovka.) Naturally, improved access increased the demand for allotments in the area, and the brothers were able to sell and rent out a large portion of the grounds. The south-eastern part of the estate was gradually built up with dachas: the Gerasimovs were more concerned with making money than preserving the atmosphere of the estate: never-ending pecuniary difficulties prevented them from investing properly in its development and upkeep. Nevertheless, in their own way they were fond of Gorki, and although they never lived there full-time, would usually spend the summer on the estate with their families. Finally, however, they were forced to sell Gorki. Indeed, this fascinating spot seemed destined to change hands frequently, yet never did it fall into complete decay and disrepair. In 1909 Gorki was bought from the Gerasimovs by Zinaida Morozova-Reinbot.

Born in Orekhovo-Zuyevo in 1867, the daughter of second-guild merchant Grigory Zimin, Zinaida was a talented and unconventional woman. Contemporaries called her a "real Russian character": despite a number of shocking and traumatic events in her life, she enjoyed a great deal of love and respect as well as wealth, and knew a great many interesting people. Her second husband, Savva Morozov, was one of the most successful Russian industrialists and a patron of the arts. Following his tragic suicide, Zinaida inherited an immense fortune. In 1907, she married major-general Anatoly Reinbot – the mayor of Moscow and an important courtier. Two months after the wedding, however, Reinbot was accused of embezzlement and removed from his high-ranking position. It seemed that only yesterday the capital was busy discussing the reasons behind Morozov's suicide: now Moscow buzzed with rumours about the trial of Zinaida's second husband.

A proud and independent woman, Morozova-Reinbot strove as always to find a way out of this intolerable situation. Selling her splendid residence in Spiridonovka Street to Mikhail Ryabushinsky,

she left behind the social gatherings, receptions and balls to which she had been so accustomed, retiring instead to Gorki. Her country estate Pokrovskoye-Rubtsovo, situated in the environs of Moscow near Zvenigorod, was left to her oldest son Timofey. Gorki became Zinaida's refuge from the worldly gossip of the capital – a safe haven where she could find peace of mind and start life afresh. Her visits to Moscow were few and far between, mainly in connection with her charitable activities² and the development of Gorki.

Thus began a new period in the history of the Gorki estate. Zinaida Morozova-Reinbot was destined to become the last owner of this fascinating spot and, fittingly, the years spent by her in Gorki proved a period of exceptionally active growth. Morozova succeeded in creating a handsome and comfortable bourgeois estate with all the latest fittings, furnished in accordance with contemporary tastes. Few Russian estates could boast such modern "trimmings", and this was largely why Gorki not only survived the difficult years which followed, but went on to become a major museum of 19th- and early 20th-century Russian estate culture.

Of course, a country house offers its owner not only a place of residence, but also an opportunity for creative fulfilment. Zinaida Morozova had long desired to be the mistress of an old Russian estate. In Gorki, this wealthy and ambitious woman found much to do. Buying back several allotments with dachas, Morozova had all the main estate buildings repaired and established a profitable smallholding furnished with the latest equipment. New conservatories and hothouses were built, as well as a water-tower and power-station to provide water and electricity. On the riverbank, by the road leading to the north gate, the Church of the Protective Veil of the Holy Virgin rose up, decorated, it was noted, "with great merit".³

It is widely accepted that the reconstruction of Gorki was conducted by the eminent Russian architect Fyodor Shekhtel, an old friend of the Morozovs.⁴ Thanks to Shekhtel, the main part of the estate, consisting of the house with its two outbuildings, wooden porches and veran-

З.Г. Морозова.
Фотография
конца XIX в.

Zinaida Morozova.
Late 19th-century
photograph

das, was transformed from something resembling a dacha into a stately, palatial residence. Fyodor Kolbe, another famous Moscow architect, was in charge of the building work and, most likely, designed some of the smaller buildings. Two single-storey annexes were added to the main two-storey house, previously a somewhat severe rectangular construction. Extending out from the sides, these were of different size: to the north, a winter garden with glass semi-rotunda, and to the south, a veranda with windows of coloured glass. The flat rooftops of the annexes were turned into open terraces with balustrades. The western, main façade of the house, which faced the park descending towards the river, was decorated with a six-column portico of the Ionic order. On the snow-white staircase, two large marble vases were erected. The eastern façade giving onto the regular park behind the house was decorated with a Tuscan colonnade. A frieze depicting

Балюстрада
парадного двора.
Фотография В. Бойко

Balustrade in the main
courtyard.
Photograph by V. Boiko

mythical scenes wound around the second-floor windows. Those facing west had mirror panes, whilst the eastern façade boasted handsome three-part Venetian windows. The semi-rotunda and central window of the winter garden bore bas-reliefs, whilst the transom above the glass door to the garden was ornamented with a moulded archivolt. The two outbuildings were decorated with elegant semi-rotundas built onto the side facing the river, their main entrances acquiring four-column Doric porticos with balconies. The nature of these changes was such as to preserve the architectural unity of the complex, whilst the neoclassical design of the façades lent the rather severe classical architecture a light, elegant air.

The reconstruction of Gorki involved extensive work not merely on the buildings themselves, but also on their interiors. If Gorki could be said to form a single architectural complex, the décor of the rooms likewise adhered to a common pattern. In the main house and outbuildings, the atmosphere of an old Russian country estate is preserved, blended miraculously with all the attributes of modern comfort. The estate is decorated with exquisite furniture, paintings and *objets d'art* dating from the 17th to the 20th century. Some of these originally stood in Morozova's residence in Spiridonovka, others were brought from the estate at Pokrovskoye-Rubtsovo. Many were purchased or made specially for Gorki in some of the finest shops and studios of Moscow and St. Petersburg.

Naturally, the zealous mistress did not fail to attend to the grounds of her new estate. The upper lime park had long held a mysterious charm due to its 12th-century burial mounds dating back to the days of the Viaticchi, an ancient Slavic people. Now, new avenues were created and decorative bridges built with handrails

² Zinaida Morozova gave generously to a number of charitable enterprises. An active supporter of the Moscow Orphanage Council, in 1911 she became the representative of the new Society for the Care of Orphans and Abandoned Children for Moscow and the Moscow region. Having made a single donation of 50,000 rubles (Maria Morozova also donated this amount), Zinaida then gave the Society a piece of land measuring over 100 acres "with some beautiful buildings" in the Zvenigorod area. The land was intended for a children's home to be named after Savva Morozov.

³ Moscow Central Historical Archive. Archive 203, list 759, file 369, sheet 5.

⁴ In the 1890s and 1900s Shekhtel carried out a great deal of work for the Morozovs, becoming the favourite architect of this well-known merchant family. For Savva and Zinaida Morozov he built a wooden dacha in Kirzhach, as well as the famous residence on Spiridonovka. He also undertook the restoration of the estate at Pokrovskoye-Rubtsovo. Although no documentary evidence of Shekhtel's management of the reconstruction of Gorki has been discovered, there is a strong theory, based on literary sources, that the new design of the estate was his. This view is supported by specialists. See Ye.I. Kirichenko: "Gorki. Arkhitektura russkoi usadbi 1910-kh godov" (Gorki. The Architecture of the Russian Estate in the 1910s) in the "Lenin's Gorki" State Historic Reserve anthology no.5, Moscow, 1999; also the "Expert Conclusion Concerning Fyodor Shekhtel's Authorship of the Architecture, Interiors and Decorative Features of the Gorki Estate" in "Nauchno-proyektnaya dokumentatsiya na pamyatnik arkhitektury kotsa XVIII – nachala XX vv. v Gorkakh" (The Planning Documents Pertaining to the Late 18th-Early 20th-Century Architectural Monuments in Gorki), Moscow, 1986, pp.58-62 (from the "Lenin's Gorki" State Historic Reserve Archive, file 59).

¹ Russian State Library Manuscripts Department. Archive 226, file 8, sheet 26.

Неизвестный скульптор (русский) середины XIX в.
Вакх
С.-Петербург. Мастерская Трискорни (?). Мрамор
Высота 140 (без постамента)

Bacchus
Unknown Russian sculptor.
Middle of the 19th century. St. Petersburg. Triscorni workshop (?). Marble. Height 140 cm (without pedestal)

Неизвестный скульптор (западноевропейский) второй половины XIX в.
Вакханка
Мрамор
Высота 115 (без постамента)

Unknown West European sculptor.
Maenad
Second half of the 19th century. Marble
Height 115 cm (without pedestal)

and balusters. The centre of the park was enlivened by a large flowerbed with a marble vase on a tall pedestal. In keeping with the times, Morozova even introduced a tennis court and croquet lawn. The lower park, occupying the steep bank between the house and river, likewise saw a number of improvements.

In the main courtyard, a fountain was built, surrounded by flowerbeds. A semicircular balustrade with decorative vases separated the courtyard from the lower park. Together with the balustrades running around the terraces and balconies of the main house and outbuild-

ings, this formed an ornamental ring around the estate – a pleasant and striking feature.

As a result of the extensive reconstruction, Gorki developed into a magnificent neoclassical estate – a wonderful example of late 18th-early 19th-century Russian classicism. Following the October revolution of 1917, when the majority of estates were plundered or destroyed, Gorki survived: Morozova was able to mobilise her workers to protect the estate. In the summer of 1918, Gorki came under the management of the Moscow Guberniya Commissariat of Agriculture. At the local peasants' request, the deed contained a special clause stating that "the citizens of Gorki village did not cause the estate of Gorki any damage".⁵

⁵ Moscow Region Central State Archive. Archive 4997, list 1, file 137, sheet 76 (reverse).

⁶ Morozova contrived to obtain permission from the local soviet to receive ten pounds of cream cheese, three pounds of butter and five pounds of sour cream weekly from the estate farm. This permission was normally granted to workers and staff on the estate. The price of these products was determined by the farm. Its former owner, however, was not satisfied with this arrangement. In the three months prior to Gorki's coming under the management of the Moscow Guberniya Land Committee (which withdrew Morozova's right to receive farm produce), she obtained 96 pounds of cream cheese, 68 pounds of sour cream, 52 pounds of butter, nine bottles of milk, 180 eggs, two sheep, two chickens, two ducks, a sack of root vegetables and 80 pounds of rye flour. Morozova refused to pay for the goods, claiming, no doubt, that the farm produce belonged to her. Zandovsky, the steward, could not bring himself to demand payment.

⁷ Moscow Region Central State Archive. Archive 4997, list 1, file 137, sheet 47.

⁸ Shortly after this, Morozova also lost her other country residence – Pokrovskoye-Rubtsovo. This estate had an unhappy fate. Leaving Gorki, Zinaida moved to a flat in Moscow's Starokoniushenny Pereulok. In October 1918, some 60 items were requisitioned from this flat, mainly furniture, paintings and china. In 1924, Morozova herself was ordered to leave the flat. She spent the rest of her days in a single room in the village of Ilyinskoye near Moscow, where she died in 1947.

Вазы парные с ручками в виде голов козлов
Россия.
Вторая половина XIX в.
Мрамор. Высота 215 (с постаментом)

Twin vases with handles in the shape of goats' heads
Russia. Second half of the 19th century. Marble. Height 215 cm (with pedestal)

Мария-Антуанетта ▶
По модели Феликса Леконта. Италия.
Фабрика в Неаполе. Первая треть XIX в.
Бисквит
Высота 74

Marie Antoinette ▶
From a model by Felix Lecomte. Italy, a factory in Naples.
First third of the 19th century. Ceramic biscuit
Height 74 cm

On 10 March 1918, the Gorki estate was nationalised and passed into the management of the Sukhanov Volost Land Committee. Zinaida Morozova was forced to leave her home. Her good relationship with former workers and her steward Zandovsky allowed her to stay in touch with the estate. She visited frequently and hoped in time to be permitted to rent the Gorki smallholding, which would allow her to live on the estate and play a part in its management.⁶ In April 1918, Morozova persuaded the Commission for the Preservation of Historic and Artistic Monuments of the Commissariat for Property of the Republic to visit the estate. After a tour of Gorki, the Commission issued Morozova a certificate stating that "the house with its artistic and historic décor shall be preserved by the Commission as a national treasure".⁷ The owner herself, however, was not so fortunate. Morozova was not only refused the right to reside on the estate, but narrowly avoided being detained: the Moscow Guberniya Land Committee had already decreed her arrest. Fleeing to Moscow, Zinaida Morozova bid Gorki farewell for the last time.⁸

Upon the estate's coming under the management of the Moscow Guberniya Land Committee it was ordered that "all persons and organisations demanding

Рейнбот из особняка на Спиридоновке и загородной усадьбы Покровское-Рубцово, частично – приобретенные и изготовленные на заказ специально для новой усадьбы в лучших магазинах и мастерских Москвы и Петербурга.

Преобразился и старинный ландшафт усадьбы. В верхнем, регулярном, липовом парке, особую таинственность которому придают курганы вятичей XII в., проложили несколько новых аллей, его уголки украсили мостики с перилами из баясин, а центр – большая цветочная клумба с мраморной вазой на высоком постаменте. В духе нового времени в парке устроены теннисный корт и крокетная площадка. Получил свое окончательное оформление и нижний, пейзажный, парк, раскинувшийся на террасном склоне между домом и речкой.

На парадном дворе усадьбы сооружается фонтан с бассейном, окруженный цветником, а со стороны обрыва пейзажного парка площадка двора огораживается полукруглой балюстрадой с декоративными вазами. Ограждение террас и балконов главного дома и флигелей в форме баясин является элементом декора и вместе с балюстрадой двора создает своеобразный эффектный орнаментальный пояс.

В результате реконструкции архитектурно-парковый ансамбль Горок приобрел облик великолепной неоклассической усадьбы в духе русского классицизма рубежа XVIII–XIX вв.

Усадьбу в Горках не постигла печальная участь большинства поместий, которые после октябрьских событий были разграблены или разрушены. Зинаида Григорьевна смогла организовать своих работников на охрану усадебного хозяйства и не допустить разгрома. Позднее, когда летом 1918 г. Горки переходили в распоряжение Московского губернского комиссариата земледелия, в акте приема усадьбы по просьбе местных крестьян отдельным пунктом отмечалось, что «со стороны граждан села «Горки» имению «Горки» никакого ущерба не было нанесено».⁵

10 марта 1918 г. Горки были национализированы и переданы в распоряжение Сухановского волостного земельного комитета. З.Г. Морозова вынуждена покинуть усадьбу. Однако, пользуясь лояльным отношением к ней со стороны своих бывших рабочих и управляющего Зандовского, она не

⁵ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 76 об.

⁶ Морозовой удалось получить в волостном совете разрешение, согласно которому она могла, наравне с рабочими и служащими хозяйства, каждую неделю получать с фермы имения по установленным там ценам продукты в количестве 10 ф. творога, 3 ф. сливочного масла и 5 ф. сметаны. Бывшая хозяйка не ограничилась данным разрешением. За три месяца до перехода Горок в ведение Мосгубземкома, который отменил это разрешение, она получила с фермы 2 п. 16 ф. творога, 1 п. 28 ф. сметаны, 1 п. 12 ф. сливочного масла, 9 бутылок молока, 180 штук яиц, 2 баранов, 2 курицы, 2 утки, 1 мешок корнеплодов и 2 пуда ржаной муки. Деньги в кассу имения Зинаида Григорьевна принципиально не вносила, справедливо полагая, что пользуется своим, а управляющий Зандовский потребовать их не решился.

⁷ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 47.

теряет связи с ней, постоянно бывает в Горках и надеется получить разрешение на аренду хозяйства». Это позволило бы Зинаиде Григорьевне проживать в усадьбе и влиять на ее дальнейшую судьбу. В апреле 1918 г. она добивается приезда в Горки Комиссии по охране памятников искусства и старины, созданной при Комиссариате имуществ

республики, которая, обследовав усадьбу, выдает Морозовой удостоверение в том, что «дом с художественно-исторической обстановкой в нем, как национальное достояние, находится под охраной Комиссии».⁷

По отношению к бывшей владелице власть заняла жесткую позицию: Морозовой не только отказано в праве

Аликс ДЮВАЛЬ
Портрет неизвестной в
образе Флоры
Холст, масло
65×54 (овал)

Alix DUVAL
Portrait of an Unknown
Woman as Flora
Oil on canvas
65 by 54 cm (oval)

Неизвестный
художник начала XIX в.
Отдых Дианы
Копия оригинала
Поля Бриля.
Холст, масло. 73×105

Unknown early
19th-century painter.
Diana Resting
Copy of an original
by Paul Bril.
Oil on canvas
73 by 105 cm

personal estate from the farm of Gorki ... be sent to the Guberniya Land Committee. The property must not be handed out.⁹ The main residence and north outbuilding remained sealed up and were not used for housing workers, the remaining buildings offering sufficient living space for labourers and employees. Nevertheless, despite the Land Committee order, 1918 saw the disappearance from Gorki of a number of items. In July 1918, around 40 items of furniture were delivered to the Moscow Guberniya Land Committee, amongst these several desks and chairs, armchairs and sofas, wardrobes and bureaux. In June of that year, a number of mahogany sofas, beds and armchairs had been passed on to the Podolsk Uyezd Commissariat of Agriculture.

Naturally, the Moscow Guberniya Land Committee order prohibiting the removal of items from Gorki had more to do with a desire for control than with genuine concern for works of art. To establish control over Gorki proved, however, an impossible task: before long, furniture and trinkets were being stolen and removed from the estate in large numbers. After discussing the "abnormal

⁹ Moscow Region Central State Archive. Archive 4997, list 1, file 137, sheet 57.

проживать в усадьбе, она едва избежала ареста, решение о котором уже принято на заседании Мосгубземкома. Зинаида Григорьевна уезжает в Москву и больше никогда не вернется в Горки⁸.

Что касается судьбы усадебной коллекции, то после перехода Горок в распоряжение Московского губземкома дано распоряжение, согласно которому предлагалось «всех лиц и организаций, обращающихся с требованием о выдаче им движимого имущества из с/х фермы «Горки»... направлять в Губземком, а имущества не выдавать»⁹. Большой дом и Северный флигель оставались опечатанными и не использовались для жилья: для проживания рабочих и служащих хозяйства в усадьбе имелось достаточное количество помещений. Тем не менее 1918 г. стал годом первых утрат для коллекции усадьбы, первым трудным периодом в ее послереволюционной истории. Несмотря на запрет, часть имущества из усадьбы вывезена. В помещении Московского губземкома в июле 1918 г. доставлено около сорока предметов мебели: письменные столы и диваны, кресла и стулья, шкафы и конторки. Несколько диванов, кроватей и кресел красного дерева в июне выдано в распоряжение Подольского уездного

П.П. ГОСЛАВСКИЙ
Старая усадьба. 1896
Холст, масло. 46,5×68

Pyotr GOSLAVSKY
The Old Estate. 1896
Oil on canvas
46.5 by 68 cm

комиссариата земледелия. Запрет на вывоз был связан не столько с заботой о судьбе художественных ценностей, сколько с установлением контроля за их перемещением со стороны Губземкома. Но контроль осуществить не удалось: вскоре процесс вывоза и расхищения усадебного имущества стал принимать стихийный характер. 2 августа 1918 г. на заседании Губземкома, где обсуждался вопрос о «ненормальном положении в имении Горки», было принято решение передать предметы, имеющие художественное и историческое значение, Историческому музею¹⁰.

В ноябре 1918 г. усадьба пережила еще одно «нашествие» – со стороны Музейного отдела Наркомпроса. 27 ноября 1918 г. в Горки приезжает эмиссар Музейного отдела Н.Н. Белоцветов, который, обследовав усадьбу, признал желательным вывоз из нее отдельных предметов, в частности портретов работы

Лампи, И.К. Макарова, В.А. Серова и старинных гравюр с видами Санкт-Петербурга. В декабре из Горок вывезено более сорока предметов. Среди них гравюры и миниатюры французских и русских мастеров конца XVIII – начала XIX в., портреты русских художников XIX в., акварели и пастели. Художественные ценности усадьбы поступили в хранилища Национального музейного фонда. Уже в 1919 г. несколько картин и акварелей горкинской коллекции из фонда передали в московские и провинциальные музеи. В частности, пастель А.М. Васнецова «Поздняя осень. Прощание с парком» отправилась в Пермь, а картина И.К. Макарова «Портрет неизвестной в синем платье» – в Туркестанский университет. Часть предметов, в основном изделий русского и западноевропейского фарфора, из Горок вывезли позднее, в марте 1919 г.

Если проследить за перемещением художественных ценностей из усадьбы, то стоит отметить, что вывозы касались в основном изделий декоративно-прикладного искусства из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра и мельхиора, художественных полотен, миниатюр, графики, скульптуры, библиотек и архивов владельцев. Мебель чаще

⁸ Вскоре Морозова лишится и другого подмосковного имения – Покровское-Рубцово, дальнейшая судьба которого печальна. В октябре 1918 г. из ее квартиры в Старокожищенном переулке, где она поселилась, уехав из Горок, будет реквизировано около 60 предметов (мебель, картины, фарфор), а в 1924 г. Морозову выселяют и из квартиры. Остаток жизни она проведет в подмосковном Ильинском, занимая одну комнату в доме, где и умрет в 1947 г.

⁹ ГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 57.

¹⁰ Документов, подтверждающих передачу части усадебной коллекции в 1918 г. Государственному Историческому музею, обнаружить не удалось.

state of affairs on Gorki estate" on 2 August 1918, the Moscow Guberniya Land Committee decided to give all items of artistic and historic merit to the Moscow History Museum.¹⁰

In November 1918, the estate saw a new 'invasion' – this time, by the Museums Department of the People's Commissariat for Education. On 27 November N. Belotsvetov, the Museums Department emissary, conducted a thorough review of the contents of the estate, subsequently recommending the removal of a number of items. Among these were portraits by Johann Baptist Lampi the Elder, Ivan Makarov and Valentin Serov, as well as some old engravings of St. Petersburg. In December of that year, over 40 items were duly dispatched from Gorki. These included miniatures and engravings by French and Russian late 18th- and early 19th-century masters, 19th century Russian portraits and a number of pastels and watercolours. All these were transferred to National Museum Fund repositories. In 1919, the Fund donated several oil paintings and watercolours from Gorki to various Moscow and city museums. Apollinary Vasnetsov's pastel "Late Autumn. A Farewell to the Park" was sent to Perm, and Ivan Makarov's "Portrait of an Unknown Woman in a Blue Dress" to the University of Turkestan. In

Столтуалетный
Германия. Мейсен.
Вторая половина XIX в.
Массив сосны, шпон
розового дерева,
фарфор, надглазурная
роспись, бронза, литье,
золочение, полотно
зеркала
159×91×54

Dressing table
Germany, Meissen.
Second half
of the 19th century.
Pine carcass, rosewood
veneer, porcelain, paint-
ed decoration on glaze,
bronze, casting, gilding,
mirror pane
159 by 91 by 54 cm

March 1919, another batch of items was removed from Gorki – mainly Russian and West European china.

Following the Revolution, items habitually removed from estates were silver, bronze, porcelain, nickel silver and cut glass pieces, as well as paintings, miniatures, drawings, sculptures, books and the personal archives of former owners. With the exception of "the rarest and most beautiful pieces", furniture was usually left behind.¹¹ Its bulkiness and the lack of transport and sufficiently large storage spaces meant that a significant portion of furniture collections was destined to be lost. Gorki proved one happy exception: apart from several items requisitioned by the Moscow Guberniya Land Committee and Podolsk Uyezd, the furniture collection remained intact.

The survival of Gorki estate and its contents was due to the head of the Soviet government, Vladimir Lenin. In the final years of his life, Lenin constantly visited Gorki to rest and receive medical treatment. It seems that the leader of the Revolution inherited the affection which former owners of the estate developed for Gorki, although Lenin was not known

Часы напольные ▶
Англия. Лондон.
Вторая половина XVIII в.
Массив сосны, шпон
тополя, чернение,
фанеровка, полировка,
бронза, металл
246×63×31
Нижняя часть футляра –
реставрационная
реконструкция

Hall clock ▶
England, London.
Second half
of the 18th century.
Pine carcass, poplar
veneer, niello, veneering,
polishing, bronze, metal
246 by 63 by 31 cm
(the lower part of the
case is a reconstruction)

Стол
Россия.
Первая четверть XIX в.
Массив березы, шпон
красного дерева, шпон
черного дерева, резьба,
позолота, фанеровка,
полировка, бронза,
литье, золочение
79×117×90
Стиль – ампир

Table
Russia.
First quarter
of the 19th century.
Birch carcass, mahogany
veneer, ebony veneer,
carving, gilt, veneering,
polishing, bronze,
casting, gilding
70 by 117 by 90 cm
Empire style

Диван
Россия.
Первая четверть XIX в.
Массив березы, шпон
красного дерева, шпон
черного дерева,
резьба, позолота,
фанеровка, полировка,
бронза, литье,
золочение, шелк
127×236×105
Стиль – ампир

Couch
Russia.
First quarter
of the 19th century.
Birch carcass,
mahogany veneer,
ebony veneer, carving,
gilt, veneering, polishing,
bronze, casting,
gilding, silk
127 by 236 by 105 cm
Empire style

всего оставляли в усадьбах, вывозя лишь наиболее ценные образцы «большой редкости и красоты», обрекая оставшуюся часть на гибель¹². Нехватка транспортных средств, отсутствие больших помещений для хранения мебели, ее громоздкость привели к тому, что часть усадебных мебельных коллекций оказалась безвозвратно утраченной. Коллекция усадебной мебели в Горках в этот период пострадала менее всего. Кроме нескольких предметов, реквизированных представителями Московского губземкома и Подольского уезда после конфискации усадьбы, целостность коллекции не была нарушена.

Дальнейшую судьбу усадьбы определил приезд в Горки В.И. Ленина: именно этот приезд, а в дальнейшем Горки становятся постоянным местом отдыха и лечения главы государства, спас усадьбу от забвения, а коллекцию от разорения. Любовь, которую питали к Горкам прежние владельцы, передана и вождю мировой революции, и это несмотря на то, что никакой сентиментальности к русской усадьбе и усадебной культуре он не испытывал¹².

В 1938 г. состоялось решение Оргбюро ЦК ВКП(б) о создании в Горках Дома-музея В.И. Ленина. Началась работа, которая протекала медленно и трудно, по ремонту главных усадебных построек и разработке музейной экспозиции: изучались детали обстановки

Зеркало
с подзеркальником
Россия. Последняя
четверть XVIII в.
Массив сосны, левкас,
белая краска, резьба,
позолота, мрамор,
полотно зеркала,
живопись
371×110×55

Mirror with pier table
Russia.
Last quarter
of the 18th century.
Pine carcass, priming,
white paint, carving,
gilt, marble, mirror pane,
painted decoration
371 by 110 by 55 cm

комнат, проводилась реставрация мебели, картин и предметов декоративно-прикладного искусства, изготавливались точные копии занавесей и драпировок, проводилась фотофиксация всех музейных предметов, начался сбор материалов по истории усадьбы.

Однако именно на этот период пришлось наибольшие утраты усадебного собрания. Парадокс заключался в том, что музей создавался как мемориальный, но не бытовой. Усадьба, усадебный быт, предметы интерьера не интересовали сотрудников сами по себе, а лишь в той мере, в какой имели отношение к В.И. Ленину и периоду его пребывания в Горках. Идеологическая направленность проводимой работы отрицательно сказалась как на судьбе усадебного собрания, так и на способе его экспонирования.

Оставшаяся часть коллекции была сохранена, отреставрирована и частично вошла в экспозицию музея, разверну-

¹⁰ No documents pertaining to the donation in 1918 of a part of the estate collection to the State History Museum have been discovered.

¹¹ State History Museum Department of Written Sources. Archive 134, file 185, sheets 1-37.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 134, Д. 185, л. 1-37.

¹² При огромной занятости и напряженном графике работы Ленину был необходим короткий, но полноценный отдых. В 1918-1919 гг. ему неоднократно организовывали такой отдых в конфискованных подмосковных усадьбах: он бывал в Ильинском, бывшем имении великого князя Сергея Васильевича, в Васильевском, Морозовке, Фирсановке, Корзинкине, но не привязывался к местам и редко туда возвращался.

Настольное украшение с фигурой амура и рогом изобилия.
Франция. Париж. Фабрика Даготи. Первая четверть XIX в. Бисквит, матовое покрытие, позолота
Высота 20

Table ornament with figure of Cupid and cornucopia
France. Paris. Dagotis factory. First quarter of the 19th century. Ceramic biscuit, matt finish, gilt
Height 20 cm

Люстра
Россия. С.-Петербург. Бронзоволитейная мастерская А.И. Дипнера. 1820–1830-е
Бронза, литье, огневое золочение.
Высота 104, размах рожков 39,5
Стиль – ампир

Chandelier
Russia. St. Petersburg. 1820s-1830s. Bronze workshop of A.I. Dipner. Bronze, casting, fire gilding
Height 104 cm diameter 39.5 cm
Empire style

for his sentimental feelings for Russian estates and estate culture.¹²

In 1938, the Organisational Bureau of the Bolshevik Party Central Committee decided to turn Gorki into a Lenin museum. The process of preparing the estate proved lengthy and complicated. The main buildings needed renovation, the rooms had to be closely studied and the exhibition planned. Gradually, the furniture, paintings and *objets d'art* were restored and exact copies made of curtains and wall hangings. All items to be exhibited were photographed, and research began into the history of the estate.

Ironically, this period proved the most disastrous for the estate collection. The Lenin museum was to be a memorial, not an exhibition of household items. Life on the estate, the interiors of the buildings and the estate collection only interested the researchers insofar as they related to Lenin. This highly ideological approach proved extremely damaging not only for the estate collection, but also for the exhibition itself.

The Lenin Museum was created in the main house of the estate. Of its eleven rooms, eight were devoted to "documents and material relating to Vladimir Lenin as the founder and leader of the first socialist state in the world". The original furniture and décor were preserved in only three rooms: the dining room, study and Lenin's bedroom. Items unrelated to Lenin were eventually restored; some were then included in the exhibition.

Today, the Gorki Museum collection includes over 6,000 items. Among these are unique pieces of furniture, paintings, sculptures and *objets d'art*: reminders of bygone days which serve to make the past a little closer and more accessible. In recent years the museum specialists have made great progress in the ascription of items from the estate collection. In this huge task we received invaluable help from the Tretyakov Gallery, History Museum, Pushkin Museum of Fine Art, All-Russian Museum of Applied Folk Art, the Museum of Ceramics and the "Kuskovo 18th-century Estate". As a result of this joint effort, the catalogue of the Gorki estate museum collection appeared.

The main priorities for Gorki museum staff today are seeking lost items, researching the history and former owners of the estate and improving the museum display. The estate of Gorki is truly unique, still boasting not only the magnificent old buildings and park, but also the original interiors ornamented with some real gems of applied art.

¹² With his tremendously heavy workload, Lenin needed to be able to take short breaks which would be deeply relaxing. In 1918 and 1919 such breaks were arranged for him in various confiscated estates near Moscow. He visited Ilyinskoye, former residence of Grand Duke Sergei Vasilievich, as well as Morozovka, Vasilyevskoye, Firsanovka and Korzinkino. None of these spots took his fancy, however, and he seldom returned.

тую в Большом доме усадьбы. Экспозиция, главное содержание которой представляли документы и материалы, характеризующие В.И. Ленина как основателя и руководителя первого в мире социалистического государства, занимала восемь комнат из одиннадцати. И только в трех комнатах – столовой, рабочем кабинете и комнате В.И. Ленина – решено было восстановить прежнюю обстановку.

В настоящее время коллекция Музея-усадьбы «Горки» насчитывает более шести тысяч уникальных предметов мебели, живописи, скульптуры, предметов декоративно-прикладного искусства, которые, отражая черты жизни далекого прошлого, делают это прошлое для нас более доступным и осязаемым. В последние годы научными сотрудниками была проделана огромная работа по атрибуции предметов усадебной коллекции, неоценимую помощь в которой нам оказали сотрудники Государствен-

ной Третьяковской галереи, Государственного Исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII в.». Итогом этой плодотворной работы и стало издание каталога коллекции Музея-усадьбы «Горки».

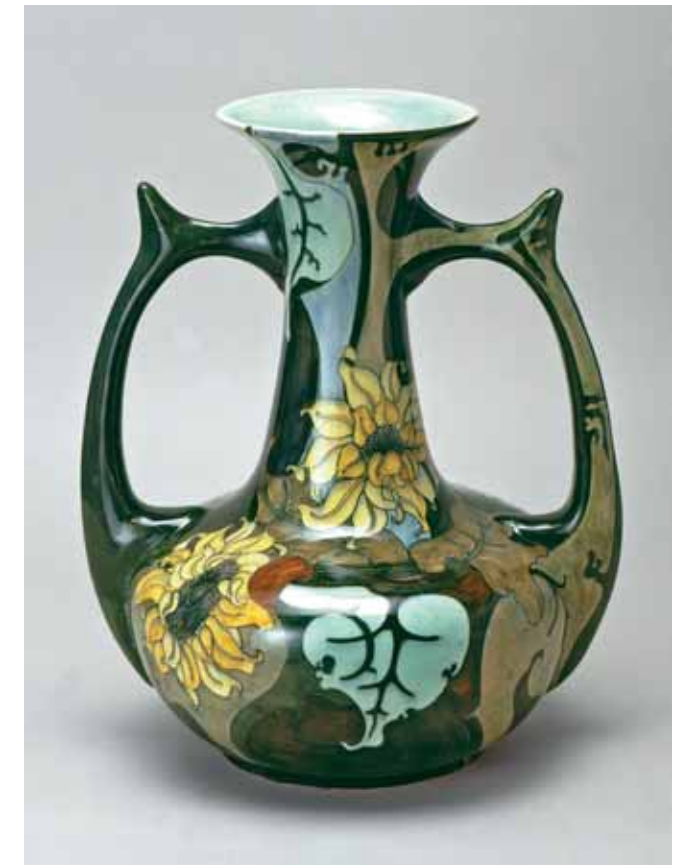
Работа по поиску утраченного, сбору данных об истории усадьбы и ее владельцах, а также по совершенствованию усадебной экспозиции является в настоящее время приоритетной для сотрудников заповедника. Ведь уникальность Горок состоит в том, что эта усадьба до наших дней сохранила не только свой архитектурно-парковый ансамбль, но и уникальные, подлинные интерьеры, содержащие настоящие шедевры декоративно-прикладного искусства.

Ваза кратеровидной формы с изображением батальных сцен
Западная Европа. Вторая четверть XIX в. Фарфор, надглазурная роспись, позолота
Высота 27

Crater-shaped vase decorated with battle scenes
Western Europe. Second quarter of the 19th century. Porcelain, painted decoration on glaze, gilt
Height 27 cm

Ваза в стиле модерн с ручками и цветочной росписью.
Голландия. Начало XX в. Керамика, роспись красками большого огня
Высота 39

Art nouveau vase with handles and flower decoration.
The Netherlands. Early 20th century. Ceramics, painted decoration
Height 39 cm

Часы каминные «Крылатый гений».
Франция. Париж. Фабрика Юльена (Юлия) Шопена. 1810-е.
Бронза, литье, огневое золочение, эмаль
60x40x14

"Winged Genius" mantelpiece clock
France. Paris. Julien (Jules) Chopin factory. The 1810s. Bronze, casting, fire gilding, enamel
60 by 40 by 14 cm